

Н. Ф. Алиева

**СРАВНЕНИЕ СИСТЕМ ЗАЛОГОВЫХ
КОНСТРУКЦИЙ В ИНДОНЕЗИЙСКОМ
И ТАГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ.
К ВОПРОСУ О СИММЕТРИИ**

Приходится вернуться к проблеме дифференциации предикатно-объектных отношений в индонезийском/малайском языке (ИМЯ), о чем писалось уже немало, и мною тоже. Побуждает к этому тот факт, что в австронезийском языкознании в последнее время заостряется вопрос о симметричности категории залога как одной из основных структурных признаков западно-индонезийских языков, в которые включаются и западно-индонезийская, и филиппинская подсемьи. О симметрии залога пишет П. Химмельманн в своих статьях в специальных высокого уровня сборниках по типологии австронезийских языков, ряд авторов также повторяет этот тезис [Himmelman 2002; 2005; Klamer 2002].

Предварительно подчеркнем, что в языках малайского типа (МТ) и филиппинского типа (ФТ), хотя и включаемых в одну группу, как раз в области залоговых систем есть существенные различия. Различаются системы построения активных и пассивных конструкций, основанных на дифференцированных объектных отношениях, которые в ностратических языках выражаются именными падежами.

Данная система представляется более стройной и очевидной в языках МТ, и мы начнем с нее, конкретно — с индонезийского языка. Нельзя не отметить, что эти разделы грамматического строя ИЯ разрабатывались и описывались российскими авторами и в общих работах по грамматике ИЯ, и в отдельных специальных исследованиях — диссертациях, монографиях, статьях.

Часть из них, написанных А.К. Оглоблиным, Г.Е. Рачковым, будет упомянута и названа в библиографии.

Теперь обратимся к проблеме залогов и, соответственно, предикатно-объектных отношений в ИЯ и ТАГ, выделяя специфические черты в этих языках.

Какие варианты объектных отношений имеются в виду?

Производные переходно-глагольные основы выражают разные отношения к объектам. Отношение простой переходности — к объекту, непосредственно используемому, подвергаемому воздействию (прямому), конечно, не только непосредственно физическому, но и, так сказать, виртуальному («видеть кого/что, вспоминать что/кого, желать чего» и т.п.); параллель в именных системах падежей — падеж винительный (*accusativus*). По морфологическим средствам сюда могут включаться отношения каузативные: изменять, создавать или уничтожать объект, использовать объект в данном качестве.

В этой статье даются самые основные сведения о переходности в ИЯ вообще и главное — о дифференцированной переходности. В специальной монографии 1975 г. эти явления описываются и систематизируются мною подробно, с учетом вариантов и с приложением большого числа оригинальных примеров из индонезийской и малайской классической литературы. Именно оттуда взяты те немногочисленные примеры, которыми иллюстрируется данное описание [Алиева 1975].

Сначала приведем примеры производных переходно-глагольных основ из ИМЯ.

1. От именных морфем — морфем 1-го класса:

tempat ‘место’ > *-tempatkan* ‘помещать’;

kurung ‘клетка; заключение’ > *-kurungkan* ‘сажать в клетку, в тюрьму’.

2. От морфем 2-го класса — стативных, со значениями состояния, движения, качества; в глагольных основах с суффиксом *-kan* преобладает каузативное значение: придать свойство, усилить, изменить; например:

datang ‘приходить’ > *-datangkan* ‘привести, привлечь’;

hilang ‘исчезнуть’ > *-hilangkan* ‘уничтожить’;

siap 'готовый' > *-siapkan* 'приготовить';
terang 'ясный, светлый' > *-terangkan* 'объяснить';
berani 'храбрый' > *-beranikan* 'побудить к смелости'.

3. От морфем, имеющих переходно-глагольное значение (морфемы 3-го класса); присоединение к ним суффиксов *-kan* и *-i* создает основы с усилением связи переходности, а также — в чем и есть специфика — придает разные дополнительные значения объектной связи:

(1) инструментальные — с суффиксом *-kan*: в них присутствуют оттенки каузативности «использовать объект в качестве орудия, инструмента» (= творительному падежу): *tulis* 'писать' > *-tuliskan pensil* 'писать карандашом'; *-beli* 'покупать' > *-belikan uang* 'покупать за деньги', также 'потратить деньги'; *-tanam* 'сажать' > *tanamkan padi (di sawah)* 'сажать рис (на поле)';

(2) переходно-адресивные значения (локативное, бенефактивное) — возможно присоединение и *-kan*, и *-i* — «объект помещается куда-либо (= предложный падеж), передается адресату (= дательный или предложный падеж), действие совершается для другого лица»: *-tanam* 'сажать' > *-tanami sawah (dengan padi)* 'засеять поле (рисом)'; *-kirim* 'посылать' > *-kirim ayah (surat)* 'послать отцу (письмо)'; *-bawa* 'приносить' > *-bawakan anak (obat)* 'принести ребенку (лекарство)'; *anak emas* 'ребенок золото' > *-anak-emaskan* 'относиться как к любимому ребенку'.

Ниже приводятся примеры предложений из индонезийских текстов, с залоговыми трансформациями.

В старой традиционной малайской грамматике, в работах М. Лубиса [Lubis 1954], Х. Мунафа [Munaf 1951] значения переходности глаголов различались по типу объектов. Считалось, что суффикс *-kan* обычно указывает на наличие объектов «подвижных»: передвигаемых, передаваемых, меняющих свое состояние, возникающих, исчезающих; наличие суффикса *-i* указывает на объекты «неподвижные»: локативные, воспринимаемые органами чувств, на лица, заинтересованные в результате.

Существенная, типологически значимая особенность морфологии МТ в том, что переходные глаголы с разными указателями

значений переходности употребляются — вполне обычно — и в активных, и в пассивных конструкциях (в последних чаще). Симметрия явно имеет место. Также такие глаголы выступают и как сказуемые независимых предложений, и как ядерные слова зависимых предикативных групп в усложненных предложениях.

Если представление того или иного прямого объекта в качестве подлежащего в пассивном предложении для европейского сознания понятно, то превращение инструментальных, локативных, бенефактивных объектов в подлежащее предложения пассивного строя является достаточно необычной процедурой, ведь у нас трансформация в подлежащее нормальна только для прямых дополнений в винительном падеже без предлога. В языках МТ в качестве подлежащего пассивной конструкции вполне естественно употребление инструментального, локативного или бенефактивного актанта.

Примеры на подлежащие, выражающие подвижные, в том числе инструментальные, объекты (из ИЯ — приведены в: [Алиева 1975: 72–96]; активные трансформации построены мною для данной статьи):

1. *Semua kepunyaanmu sudah kau kurbankan.* ‘Ты пожертвовал всем, что имел’ (*kurban* ‘жертва’) [РАТВ: 71]; пассив с нулевой формой глагола и местоимением в препозиции; **актив:** *Kau sudah mengurbankan semua kepunyaanmu.*

2. *Aku tak tahu apa yang musti diobrolkan.* ‘Я не знаю, о чем нужно разговаривать’ (*obrol* ‘разговор, болтать’) [ДК: 86]; пассив с нулевой формой глагола и местоимением в препозиции: *Apa yang musti kita obrolkan*; **актив:** *Aku tak tahu kita musti mengobrolkan apa.*

3. *Tiap-tiap perkara harus dilakukan dengan cepat, secepat kilat.* ‘Каждое дело должно выполняться с молниеносной быстротой’ (*laku* ‘двигаться, движение’) [ИМ: 25]; **актив:** *Harus melakukan tiap-tiap perkara dengan cepat, secepat kilat.*

4. *Atau akan kau tinggalkan begini saja aku ini?* ‘Или ты собираешься совсем оставить меня?’ (*tinggal* ‘оставаться’) [РАТВ: 221]; пассив с нулевой формой глагола и местоимением в препозиции; **актив:** *Kau akan meninggalkan begini saja aku ini?*

5. *Jadi Tjut Meuthia telah dilarikan militer.* ‘Стало быть, Чут Мытхию увезли военные’ (*lari* ‘бежать’) [ИМ: 57]; пассив на *-di*; актив: *Jadi militer telah melarikan Tjut Meuthia.*

6. *Daerah ini dikuatkan oleh Surapati secara mestinya.* ‘Этот район Сурапати укрепил как требовалось’ (*dikuatkan* — форма пассива залога < — *kuatkan* ‘усилить’ < *kuat* ‘сильный’) [МС: 176]; актив: *Surapati menguatkan daerah ini secara mestinya.*

Примеры на пассивные предложения с подлежащими, выражающими неподвижные: локативные и бенефактивные объекты, также с залоговыми трансформациями:

1. *Dan sebuah tiang jemuran di depan rumah masih disangkut pakaian.* ‘Перекладина перед домом еще увешана одеждой’ (*disangkut* — форма пассива с локативным значением ‘быть тем, к чему прикреплено, на чем висит, чего касается’ < *sangkut* ‘вешать, прикреплять на что-либо, касаться’; актор отсутствует) [МВМ: 93]; актив: *Ada sesiapa yang sudah menyangkut dengan pakaian sebuah tiang jemuran di depan rumah* (локативное дополнение) // ... *yang sudah menyangkutkan pakaian pada sebuah tiang jemuran* (Дополнение прямого объекта)... Пассив: *Pakaian disangkutkan pada sebuah tiang jemuran di depan rumah.*

2. *Musuh terpaksa lari menghindari rumah-rumah.* ‘Врагам пришлось бежать, держась подальше от домов’ (*hindar* ‘избегать, удаляться’ > *-hindari* > *menghindari* ‘избегать’ — локатив) [РАТВ: 95]; пассив (подлежащее — локативный актант): *Rumah-rumah dihindari oleh musuh yang terpaksa lari.* // (подлежащее — прямой каузизируемый актант): *Musuh dihindarkan jauh dari rumah-rumah dengan terpaksa lari.*

3. *Tapi jika sawah-sawah selesai dipanen enak benar rasanya.* ‘А вот когда с заливных полей собран урожай, тогда хорошо’ (*papan* ‘урожай’ > пассив: *dipanen*; подлежащее — локативный актант: ‘быть тем, откуда собран урожай’); актив: *Orang tani enak benar rasanya jika selesai memanen sawah-sawah* (прямое локативное дополнение).

4. *Dan si Kusan takut akan dimarahi orang tuanya.* ‘А Кусан боится, что родители будут на него сердиться’ (*marah* ‘сердиться’ > *marahi/dimarahi* — пассив. форма) подлежащее — локативный ак-

тант [DK: 105]; **актив:** *Dan si Kusan takut (bahwa) orang tuanya akan memarahinya. (-nya — прямое локативное дополнение).*

5. *Tikar yang kita duduki tadi...* ‘Циновка, на которой мы тогда сидели...’ (*duduk* ‘сидеть’ > *-duduki* /*diduduki* — пасс. форма ; *tikar* — подлежащее, актант с локативным значением); **актив:** *Tadi kita menduduki tikar ini.* (прямое дополнение — локативный актант).

В данных трансформациях показано в общих чертах своеобразие этой системы и ее возможности: превращение в прямое дополнение и в подлежащее непрямым объектов и при этом образование симметричных залоговых диатез.

С точки зрения общелингвистической типологии аналогий подобной категориальной системы предикатно-актантных отношений вне АН семьи нам не известно, поэтому в этой маленькой статье ей посвящен сравнительно большой раздел именно на примере структур ИЯ. Выбор ИЯ не случаен, т.к. в Малайе/Малайзии и в литературных формах, не говоря о разговорных местных диалектах, рассматриваемые суффиксы давно утратили продуктивность и многими авторами не употребляются или почти не употребляются. Как и другие признаки усиления аналитизма, это естественное следствие конвергенции, обусловленное тесными контактами с такими языками, как китайский и тайский.

Исследование предикатно-актантных отношений именно в рассматриваемом выше аспекте представляется особенно важным, поскольку не получает достаточного внимания не только в работах по общей типологии, но и в теоретических работах по языкам МТ. Например, в подробной и основательной, базированной на учениях Ч. Филлмора, Э. Сэпира, Дж. Гринберга и В. Лемана диссертации/монографии индонезийского лингвиста Сударьянто «Предикат — объект в индонезийском языке: система структурных моделей» [Sudaryanto 1983] дифференцированные значения переходности рассматриваются как функции, как значения аффиксов в пассивных глаголах. При этом к пассивным отнесены и императивные формы переходных глаголов. Но главное, что удивляет, автор объявляет маргинальной и не рассматривает вообще активную парадигму переходных глаголов [Sudaryanto 1983: 96]. В результате специфичность характерной для МТ

симметричной системы переходности с дифференциацией объектных отношений и в активе, и в пассиве в этой монографии утеряна.

В другой большой работе — сборнике статей «Исследование пассива в индонезийском языке» под редакцией и с участием Б. Касванти Пурво [Kaswanti Purwo, Bambang 1989], видного специалиста-лингвиста, самые разные проблемы, связанные с формами глаголов, строем активных и пассивных предложений, наличием эргативности, рассматриваются подробно и, можно сказать, с фантазией, но проблемы дифференцированной переходности также обойдены.

Создается впечатление, что происходит это под влиянием работ лингвистов австралийских и гавайских, выдвигающих на первый план систему падежей и залогов ностратического типа и залогов/фокусов филиппинских языков, в первую очередь тагальского. В последних отношении к объектам морфологически дифференцируется как раз в пассивных глаголах, в активных конструкциях морфология для этого не используется, и в случае надобности объектные дополнения вводятся предлогами. Мы покажем это ниже.

Именно в этой дифференцированности с помощью морфологии пассивных форм глаголов по объектным отношениям имеет место близость между двумя АН типами — МТ и ФТ, в ФТ чаще говорят о формах фокусов. Но это с одной — пассивной — стороны диатезы. Снова подчеркнем, что дифференциация с помощью морфологии объектных отношений в активных конструкциях, т.е. наличие в них дифференцированной переходности и в результате симметрия по выражению объектных отношений в активно-пассивной диатезе, — это черта, отличающая МТ, для языков ФТ не свойственная. Однако, как говорилось, в последнее время у многих авторов встречаем определение «языки с симметричным залогом» (*symmetrical voice languages*), относимое ко всем западно-индонезийским языкам.

Теперь обратимся к активно-пассивным структурам в ФТ, действительно весьма своеобразным и не имеющим прямых аналогов в других семьях языков. Упомянем, что оригинальную систему описания залоговых конструкций в ТАГ предложил в своей

книге 1973 г. Г.Е. Рачков. Анализируя активные и пассивные предложения, он различает валентности глагольных форм: синтаксические и семантические валентности, которые могут иметь варианты оптимальные и потенциальные [Рачков 1973: 126–133]. Эта система имеет достаточно общий характер и может быть применена при анализе не только языков ФТ, но и МТ и, видимо, других типов. Практически, описывая грамматическую структуру языка, каждый автор, в той или иной мере сознательно, использует эти подходы.

Главное, что отличает морфологические структуры языков ФТ, — это весьма богатые аффиксальные системы глаголов, не только деривативные, но и особо многообразные системы грамматического назначения. В ТАГ это категория активного-пассивного залога, обогащаемая двумя группами значений.

Во-первых, одной или двум активным, ориентированным на актора залоговым формам соответствуют образуемые от той же основы как минимум три пассивные формы. Во-вторых, каждая из залоговых форм является основой для образования форм с различными модальными и видовременными значениями, т.е. существует в парадигме из четырех форм.

Все пассивные формы различаются по значению превращаемого в подлежащее объектного актанта. Это объекты (1) прямой, непосредственный, (2) локальный, бенефактивный, (3) инструментальный (можно по значению сопоставлять с именными падежами в РЯ: (1) с винительным, (2) дательным и предложным, (3) творительным). Чтобы подчеркнуть специфику такой залоговой системы, часто принято использовать термины «фокус», «фокусная система», также предлагался термин «триггеры».

Особенная черта всей залоговой системы, например, в ТАГ — это отсутствие параллельных морфологических средств выражения объектных связей в пассиве и активе: если в пассиве эти связи полностью выражаются морфологически — аффиксами (префиксами, суффиксами и инфиксами), то в активе такие показатели отсутствуют и связи выражаются синтаксическими служебными словами (артиклями, предлогами, местоименными клитиками). В этом принципиальное отличие категории залога в ТАГ

и других языках ФТ от аналогичной категории в МТ, где в активных формах, как и в пассивных, также используются аффиксы (в основном суффиксы *-i*, *-kan*, *-ake*), дифференцирующие значения объектных связей, т.е. переходности.

Именно поэтому должно быть подчеркнуто, что залог в МТ имеет симметричный характер, а к ФТ это определение, по моему мнению, неприменимо. Это было отмечено Л.И. Шкарбан еще ранее [Шкарбан 1995: 109].

Чтобы проиллюстрировать основную парадигму залоговых форм, включающую одну активную и три пассивных — фокусных — конструкции, здесь заимствован отрывок из монографии Шкарбан [1995: 101–102].

Отметим, что чередования значений видовременных и модальных сюда не включены, это дополнительные парадигмы.

«Приведем парадигму из четырех глагольных предложений, объединенных лексическим тождеством однокорневых залоговых дериватов: *b.um.ili* ‘покупать’, *bilh.in* ‘быть купленным’, *bilh.an* ‘быть местом купли’, *i.bili* ‘быть тем, для кого покупают’. Все глаголы образованы от КМ *-bili-* ‘купля, продажа’ присоединением залогового аффикса: *-um-* (активный залог), *-in-* (прямообъектный пассив), *-an* (местный пассив), *i-* (бенефактивный пассив). Каждый глагол представлен формой мгновенного вида реального наклонения *b.um.ili*, *b.in.ili*, *b.in.ilh.an*, *i.b.in.ili* (...). Данные залоговые дериваты — небольшой фрагмент сложной залоговой системы ТЯ» (мною добавлены названия залогов (Н.А.):

(№ 1 — актив): *Bumili(1) siya(2) nang isda(3) sa palengke(4)*; ‘купил(1) он(2) рыбу(3) на рынке(4)’;

(№ 2 — прямообъектный пассив): *Binili(1) niya(2) ang isda(3) sa palengke(4)*; ‘куплена(1) им(2) рыба (3) на рынке(4)’;

(№ 3 — местный пассив): *Ang palengkeng (1) binilhan(2) niya(3) nang isda(4)*; ‘рынок (1)был местом купли(2) им(3) рыбы(4)’;

(№ 4 бенефактивный пассив): *Ibinili(1) niya(2) ako(3) nang isda(4) sa palengke(5)* ‘куплена-для(1) им(2) для-меня(3) рыба(4) на рынке(5)’.

Приведенная парадигма для ТЯ — основной ряд залоговых конструкций. Читателю, привыкшему к смене залоговых диатез по но-

стратическому типу, здесь сразу диатез не хватает. Простую диатезу — прямую залоговую трансформацию — образуют первые два предложения: (1) Он купил рыбу, (2) Им куплена рыба = Рыба куплена им. В № 3 локативный пассив/фокус с определенным оформлением глагола не перестраивается в актив с тем же фокусным оформлением. В № 4 глагол с бенефактивным залоговым/фокусным оформлением также не перестраивается из пассива в актив. Актив остается только в № 1 с прямообъектным отношением в глаголе, а связи с косвенными актантами — места, лица, получающего рыбу, — выражаются служебными словами при той же активной глагольной форме» [Шкарбан 1995: 101–102].

Показанная выше парадигма — это лишь начальный этап глагольного словоизменения. Причем это аффиксация синкретичная по характеру — во многих случаях в ней совмещаются деривация, создание как бы глагольной основы с присвоением ей разных грамматических — залоговых — значений. Проявляется специфический характер агглютинации индонезийского типа, определение которого по синкретичности деривации и словоизменения было предложено мною довольно давно [Алиева 1963; 1998; Alieva 1967].

Кроме залоговых значений члены данной парадигмы, как упоминалось, имеют также вторичную парадигму форм со значениями видовременного и модального порядка, но и этот второй уровень спряжения не исчерпывает собой всю глагольную морфологию. На основные значения посредством присоединения разных аффиксов и способа редупликации накладываются многие дополнительные: каузативность, интенсивность, взаимность, произвольность и т.п. Эта система имеет особо сложный, отработанный и нормализованный характер в ТАГ, что весьма тщательно и утонченно описано и проанализировано в работе Л. Шкарбан [1995].

Мы ограничимся здесь данными краткими характеристиками залоговых конструкций в индонезийском и тагальском языках с главной целью — проиллюстрировать наличие и отсутствие симметрии.

Литература

Алиева 1963 — Алиева Н.Ф. О сущности глагольной аффиксации в индонезийском языке // Языки Южного Китая и ЮВА. М.: ИВЛ, 1963. С. 5–80.

Алиева 1963 — Алиева Н.Ф. Соотношение словообразовательных и синтаксических функций глагольных аффиксов в индонезийском языке // ВЯ. 1963. № 2. С. 103–111.

Алиева 1975 — Алиева Н.Ф. Индонезийский глагол. Категория переходности. М.: ГРВЛ, 1975. 142 с.

Алиева 1998 — Алиева Н.Ф. Типологические аспекты индонезийской грамматики. Аналитизм и синтетизм. Посессивность. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1998. 328 с.

Крус, Шкарбан 1966 — Крус М., Шкарбан Л.И. Краткий очерк грамматики тагальского языка. М.: ГРВЛ, 1966. 103 с.

Оглоблин 1974 — Оглоблин А.К. Из истории изучения залога переходных глаголов в индонезийском языке. // Востоковедение. 1974. № 1. С. 82–92.

Оглоблин 1978 — Оглоблин А.К. О соотношении актива и пассива в языках яванской группы // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978. С. 251–258.

Оглоблин, Холодович 1974 — Оглоблин А., Холодович А. Диатезы и залоговые конструкции в индонезийском языке // Типология пассивных конструкций. Л., 1974. С. 139–167.

Подберезский 1967 — Подберезский И.В. Морфологическая структура слова в тагальском языке // Языки ЮВА. М., 1967. С. 213–224.

Поздеева, Рачков 1977 — Поздеева Т.А., Рачков Г.Е. Бенефактивные конструкции в тагальском языке // Востоковедение. 1977. № 5. С. 74–83.

Рачков 1981 — Рачков Г.Е. Введение в морфологию современного тагальского языка. Л., 1981. 216 с.

Шкарбан 1995 — Шкарбан Л.И. Грамматический строй тагальского языка. М.: Восточная литература, 1995. 248 с.

Himmelman 2002 — Himmelman N.P. Voice in western Austronesian: an update // Wouk F. and Ross M. (eds.) The history and typology of western Austronesian voice systems. Canberra: Pacific Linguistics, 2002. P. 7–15.

Himmelman 2005 — Himmelman N.P. The Austronesian languages of Asia and Madagascar: Typological characteristics // Adelaar A. and Himmelman N.P. (eds.). Austronesian languages. N.Y.: Routledge, 2005. P. 110–181.

Husain Munaf 1951 — Husain Munaf. Tatabahasa Indonesia, dj. 1–2. Djakarta, 1951.

Kaswanti, Bambang 1989 — Kaswanti Purwo, Bambang (ed). Serpilh-serpilh telaah pasif Bahasa Indonesia. Yogyakarta: Penerbit Kanisius, 1989. 483 hal. (Seri ILDEP).

Klamer 2002 — Klamer M. Typical features of Austronesian Languages in Central/Eastern Indonesia. // *Oceanic Linguistics*. 2002. Vol. 41. No 2.

Lubis 1954 — Lubis, Madong. Paramasastera landjut. Amsterdam—Jakarta, 1954. 240 hal.

Sudaryanto 1983 — Predikat-objek dalam Bahasa Indonesia. Keselarasan pola-urutan. Jakarta: Penerbit Djembatan, 1983. 358 hal. (Seri ILDEP).